

ИНТЕРВЬЮ С М.С. ГУСЕЛЬЦЕВОЙ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИИ*

Интервью с доктором психологических наук Мариной Сергеевной Гусельцевой⁶ продолжает серию публикаций, в которых представлены взгляды авторитетных ученых-современников по актуальным проблемам и направлениям исследований психологической науки, в целом, и социальной психологии, в частности. Вопросы задавал Тимофей Александрович Нестик⁷. Вопросы и ответы Марины Сергеевны Гусельцевой публикуются в сокращенной версии.

1. Марина Сергеевна, над какими направлениями исследований Вы сейчас работаете? Какие научные проблемы Вас больше всего интересуют в последнее время?

Сферы моего профессионального интереса можно разделить на *общенаучные* (глобальные) и *конкретно-научные* (локальные). Глобальные – взаимодействие психологии с широким спектром социогуманитарных наук; пресловутое *сканирование горизонтов*⁸ – исследовательских тем и новых методологических стратегий на этом поле. Локальные – *проблема изменений: субъекта (субъективности), повседневности, современности, процессов*

---

* Интервью выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные представления российских психологов о будущем психологической науки», № 17-06-00675.

⁶ Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, ФГБНУ Психологический институт Российской академии образования; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4.

⁷ Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: nestik@gmail.com.

⁸ Здесь и далее – курсив Марины Сергеевны Гусельцевой.

социализации, а также возможности более тонко отслеживать и фиксировать эти изменения.

Последнее является актуальной методологической проблемой как в психологии, так и в ряде смежных наук. Несмотря на то, что есть общий тренд – конвергенция и интеграция знания, смешанные методы и методологии (проявляющиеся как гибридизация, триангуляция, полипарадигмальность, трансдисциплинарность...), универсальный инструментарий здесь вряд ли будет изобретен. Тем не менее, продуктивным оказался этнографический метод, сделавшийся в сфере социогуманитаристики общенаучным и, например, применяемый к изучению изменений как городской среды, так и научных сообществ.

Исследовательские темы, которые я держу в фокусе внимания – это *эволюция и антропология науки* (как изменяется психологическое знание; какова роль гуманитарных – культурно-исторических, культурно-психологических факторов в развитии науки); *психология повседневности* (и те ее аспекты, которые сфокусированы на текущих трансформациях – психология современности); *методология латентности* – довольно зыбкое (становящееся) теоретическое поле, где осмысливаются способы изучения текущих, лабильных, трансформирующихся феноменов – от анализа социокультурной среды, динамики общества, меняющихся социальных отношений до изменяющихся идентичности и субъективности (понимая под субъективностью сплав субъектности и индивидуальности; самодеятельность и феноменологическое разнообразие проявлений субъекта).

Именно на этом исследовательском поле оказывается эффективным сотрудничество психологии и социогуманитарных наук, обмен концептуальными моделями, метафорическим конструктами и методами.

2. Какие изменения в мире делают актуальной эту проблематику? Как Вам кажется, на какие вызовы ближайших 20 лет предстоит ответить российскому обществу?

Встречаются публикации (статьи или книги) с «выстреливающим» названием: например, таким попаданием в нерв оказалась статья А.Г. Асмолова «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия»⁹, лаконично отразившая в заголовке эти вызовы. Несколько ранее, в профессорской лекции 1999 г., проблематику изменений четко сфокусировал Р. Барнетт, обсуждая «конец идеологии», неопределенность перемен, появление особого феномена «сверхсложности», необходимость трансформации научного дискурса; однако его доклад, опубликованный у нас под названием «Осмысление университета»¹⁰, как мне представляется, не прозвучал, хотя и сегодня, практически двадцать лет спустя, идеи об изменениях в мире, требующие от нас сознательной смены взгляда, поиска словаря и методологии, не утратили актуальности.

Разделим этот вопрос на две части: какие изменения происходят в мире, и как на это откликается или может/должна откликаться психологическая наука?

Первый вызов – это *глобализация*. Несмотря на то, что данный термин широко на слуху, обозначаемое им явление имеет различные концептуализации, грани и пути обсуждения. В психологическом плане продуктивно рассматривать глобализацию как овладение информационным пространством посредством коммуникации; как подвижную сеть транскультуральных и транснациональных процессов. Иными словами,

---

⁹ Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. 8(40). URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата доступа 27.08.2018).

¹⁰ Барнетт Р. Осмысление университета // Альманах № 1. Образование в современной культуре». 2001. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm> (дата доступа 27.08.2018).

коммуникативная рациональность и состояние текучести (разного рода транс-) – это те проявления глобализации, которые значимы для психологии.

Как и всякое новое явление, глобализация имеет позитивные и негативные стороны (светлые и темные – в оценочных суждениях), однако важно рефлексировать их относительность и игру противоположностей (по принципу: «но поражение от победы ты сам не должен отличать»¹¹; «недостатки есть продолжение наших достоинств»).

У глобализации есть множество как обсуждаемых, так и менее очевидных последствий: для отдельного человека, для науки, для страны в целом. *Глобализация подчеркивает и делает предметом рефлексии существующее в мире неравенство.* В контексте социального развития и образовательной политики анализируются риски цивилизационного отставания, поскольку преимущества глобализации достаются более развитым странам, тогда как для отстающих те тренды, которые в здоровом обществе являются скорее благотворными, переживаются в качестве кризисов и турбулентности, усиливают эти процессы, обостряют проблемы и противоречия. Например, в здоровой социальной ткани в силу ее коммуникативной открытости (в частности, проявляющейся в том, что парламент есть место для дискуссий, а маргинальные сообщества социализированы, имеют институциональные представительства, их голос услышан и учитывается в повестке публичных дискуссий¹²) глобализация создает баланс космополитического и

---

¹¹ *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое книжное обозрение, 1995.

¹² Доцент Института общественных наук РАНХиГС, политолог Е.М. Шульман четко обозначает эти риски: «Проблема нашей партийной системы – это нерепрезентативность. Целые социальные страты, целые общественные слои не представлены никак: ни в органах власти, ни в парламенте не имеют своей партии. Прежде всего, это городское население, samozарабатывающее городское население. Т.е. горожане-небюджетники – это около 20% населения всего не имеют никакого представительства, никак не представлен националистический сектор.... Сильно не хватает нам легальной националистической партии.

национального, универсального и уникального. Последнее проявляется как интерес к этническому в транснациональной экономике; государственные программы поддержки миноритарных языков; движение «мейкеров», т.е. возрастание ценности ручного труда и появление разного рода онлайн-рынков на фоне роботизации производства и т.п. В своих негативных аспектах глобализация провоцирует конфликты глобального и локального (примером здесь служат этнические и экологические протесты). Однако в этих случаях проблема не столько в глобализации, выступающей прогрессивным трендом (в том смысле, что способствует гуманизации, планетарной идентичности, росту доверия и солидарности человечества), а в несовершенстве социальных институтов в отдельно взятой стране (в неспособности решать локальные и глобальные проблемы посредством переговоров и широкого гражданского участия). Для психологического осмысления важную роль в этом процессе играет *проблема доверия*; эволюционное движение *от конфликта – к солидарности*. Это та проблематика, которая обретает объем, глубину и продуктивность в коммуникации психологии и социогуманитарных наук, существенно продвинувшихся в разработке названных тем¹³.

Второй процесс, радикально изменяющий наш мир – это *информатизация* (опять же, известная под разными названиями – дигитализация, (the digital) цифровая среда, информационная культура, сетевая реальность). В нашей психологии заметнее всего представлены именно эти темы – цифрового общества, поколенческих изменений, новой субъективности

Т.е. довольно большие куски нашего общества никак не репрезентированы. Это вопрос нашей безопасности. Они должны быть представлены в легальном политическом обороте, они должны участвовать в легальном политическом общении» / URL: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/partiinoe-stroitelstvo-22531.html>) (дата доступа 27.08.2018).

¹³ См., например: *Хокинг Дж. Доверие: История*. М.: Политическая энциклопедия, 2016; *Элиас Н. Общество индивидуумов*. М.: Праксис, 2001.

и поведения в сетевом пространстве (от кибербуллинга до цифрового нетикета). Представители разных наук наблюдают, как меняется идентичность человека под влиянием информатизации общества, начиная с философского осмысления дигимодернизма (А. Кирби¹⁴) и заканчивая разнообразием докладов недавней международной конференции в Коломне «Цифровое общество»¹⁵ и состоявшейся в октябре в Москве «Цифровое общество в культурно-исторической парадигме»¹⁶. Среди российских исследователей цифровой среды хотелось бы отметить О.В. Мороз – ее изыскания как культуролога и популярные лекции на ресурсе ПостНауки¹⁷ способствуют широкому осмыслению данной темы, позволяя не замыкаться исключительно в психологическом ракурсе. В связи с вызовом объять необъятное, еще раз подчеркну, насколько важно психологии использовать имеющиеся наработки смежных наук.

Транзитивность – это понятие в психологию ввела Т.Д. Марцинковская¹⁸, в нем соединены изменчивость и неопределенность. Однако я бы представила эту тенденцию более широко, обозначив ее в качестве общего

---

¹⁴ Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009.

¹⁵ Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека», 14–17 февраля 2018, Коломна / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018.

¹⁶ См. программу: URL: <http://psy.rggu.ru/digi2018/> (дата доступа 5.11.2018).

¹⁷ Мороз О.В. Культурные практики цифровой среды. Курс лекций // ПостНаука. 2017. URL: <https://postnauka.ru/courses/81311> (дата доступа 27.08.2018).

¹⁸ Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42). URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1168-martsin> (дата доступа 27.08.2018).

состояния транс- – комплекса феноменов, объединенных текущими изменениями: трансформациями жизненного мира субъекта, движением трансдисциплинарности (включающим смещение и смешивание знания, размывание дисциплинарных границ), течениями от трансгендера до трансгуманизма.

Микширование разных тенденций (в виде их смешивания, растворения, размывания, смягчения, гибридизации и т.п.) также производит методологические последствия для психологии: *восхождение к сложности*, разработка эпистемологии сложности. Продуктивным в этом плане представляется обращение к работам философов, например, Э. Морена – одного из основателей (меж-) трансдисциплинарности, а также мониторинг публикаций Journal of Mixed Methods Research. Это более значимый по своим последствиям тренд, нежели может показаться на первый взгляд. С одной стороны, идея объединения элементов в систему, которое рождает новые системные свойства, известна психологии еще с ассоциативного этапа ее развития. С другой стороны, довольно трудно превратить данный принцип в мыслительную привычку – учитывать и соотносить между собой разные тенденции; сопоставлять психологический ракурс анализа с перспективами других наук. Значительно легче мыслить развитие того или иного феномена линейно, применяя к нему готовые схемы, известные психологические теории. Новые системные свойства (и не только системные, но и сетевые, коммуникативные – возникшие в результате смешивания тенденций) есть то неизвестное, которое лишь предстоит обнаружить.

Все вышеперечисленное можно назвать вызовами как для психологии, так и для общества в целом – глобализация, информатизация, транзитивность, эволюционное возрастание сложности и разнообразия (последнее также проявляется как тренд персонализации). Для психологии помимо феноменологической новизны все это несет и методологические трудности: как

изучать новые жизненные практики, новые реальности, изменяющуюся субъективность? Каждый отдельный случай заслуживает ситуативного анализа, специального подбора исследовательского инструментария. Из общих же рекомендаций следует отметить, что в познавательной ситуации наших дней крайне важны *трансдисциплинарность* и некоторая гибкость, подвижность исследовательского мышления, готовность отказаться из имеющихся схем и концептуализаций.

3. Какие направления психологических исследований, на Ваш взгляд, в связи с этими процессами будут особенно востребованными?

Большинство наших коллег прогнозируют *развитие когнитивистики и нейронаук*. Это, безусловно, перспективные и интересные исследовательские направления, однако лично мне когнитивно ближе продвижение психологического знания в сторону социогуманитаристики. Поэтому моими приоритетами здесь будут – методология науки, антропология и этнография науки; переосмысление проблемы психологии субъекта в контексте теории самоорганизации и разнообразия изменений субъективности (последнее обращает психологию как в сторону антропологических наук, так и к наблюдению за течениями искусства – акционизм, метамодернизм и т.п.). Обозначу развитие этих направлений в целом: *психология в кругу антропологических наук*.

В контексте глобальной тенденции повышения качества и ценности жизни нетрудно спрогнозировать, что *психология маркетинга* будет развиваться. Психология изменений, психология мобильности, прикладная *психология туризма* с опорой на культуральные и этнографические исследования. На эту востребованность отвечают сегодня блогеры: люди интересуются и обмениваются информацией, как это жить, например, в

Англии¹⁹, что создает перспективу для исследовательских направлений на стыке этнографии городской среды, психологии повседневности и психологии путешествий.

Психология культуры, культуральная психология – психология, ориентированная на анализ культуры. Заметные публикации последних лет в этой области также трансдисциплинальны и затрагивают происходящие в мире изменения: будь то «Психология культуры» Л. Анолли (перевод с итальянского 2016 г.)²⁰, «Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир» Р. Инглхарта (русский перевод 2018 г.)²¹; сборник «Культура имеет значение» (переведена в 2002)²². Именно через анализ культуры психология может как глобально, так и более тонко отслеживать происходящие в мире изменения. Обсуждая широкий круг вопросов: как культура и психология (ценности и мотивации) влияют на экономику и политику? Как экономика и политика изменяют культуру и психологию общества? Мы начинаем понимать, что *трансформации современности* есть тот пресловутый слон, которого разные науки ощупывают, но каждая со своей стороны, и что к какой бы из наук мы не относились по праву первородства (профессиональной социализации) здесь важно держать перед глазами картину в целом.

---

¹⁹ В качестве иллюстративного примера – YouTube-канал «О жизни в Англии» фотографа Irina Zielonka <https://www.youtube.com/channel/UCjePG9MlaRpJZRpUdssksXw> (дата доступа 5.11.2018).

²⁰ Анолли Л. Психология культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

²¹ Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

²² Харрисон Л., Хантингтон С. (Ред.). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Снова подчеркну приоритеты микширования, гибридизации, смешанных концепций и исследовательских стратегий – то, что зафиксировано в термине *трансдисциплинарность* (движение поверх дисциплинарных границ). Наблюдая из этой оптики, смею предположить, что весьма перспективными исследовательскими направлениями будут *экономическая* и *экологическая психология* (озабоченность людей экологическими проблемами и организацией жизненной среды растет), а также условно обозначенная *практическая психология перемен*, помогающая людям справляться с информационной перенасыщенностью и текущими изменениями их жизненного мира.

Возможно, стоит остановиться на этом чуть подробнее. Итак, *экономическая психология*.

Каждый раз, слыша про поведенческую экономику, где упоминаются нобелевские лауреаты Д. Канеман (2002) и Р. Талер (2017), невольно думаю, что дисциплинарное деление наук здесь весьма условно: ведь доли экономики (экономического знания) в этих открытиях столько же, сколько и психологии (психологического познания). А уж в методологии науки проблема выхода за пределы рациональности активно обсуждалась еще в 1960-е гг. XX в. (от постпозитивистской критики принципа рациональности до лекций М.К. Мамардашвили). Именно на стыке наук все эти идеи (методологические, философские, экономические, психологические) не только обрели концептуальную силу, но и возможности практического применения.

В плане экономического просвещения лично мне помогают лекции А.А. Мовчана, одного из экспертов программы «Экономическая политика» московского центра Карнеги. Этот аналитик, парящий мыслью сквозь экономику, – показательный пример того, насколько *исследователь, применяющий методологию системного анализа, эффективнее и точнее в прогнозах, нежели профессиональные экономисты, не покидающие горизонтов корпоративного мышления*, и насколько важно учитывать в анализе культурно-

психологические факторы. Вот конкретный пример: при сравнении экономик США и Китая эксперты зачастую ориентируются на процентные выражения ВВП (не принимая в расчет, что 7% от 9 000 долларов в реальности меньше, чем 3% от 55 000²³). Если взглянуть на экономику Китая в сопоставительном анализе с развитием других стран, то его ВВП на человека будет примерно таким же, как у Чехии, а экономический рост обусловлен уровнем инноваций, сходным с Италией, Испанией или Францией. Ориентируясь лишь на процентное выражение ВВП, эксперты называют Китай быстрорастущей экономикой, а Америку – медленно растущей, однако в этом случае я склонна доверять анализу Мовчана, который посредством своих слайдов и графиков показывает, что с позиции доходов *на человека* рост ВВП Америки происходит в три раза быстрее, чем у Китая. Китай – большая страна с огромным населением²⁴, вполне возможно, что через десятки лет ВВП Китая в процентном выражении будет больше американского, однако, что касается подушевого ВВП, то дистанция между этими странами лишь увеличивается: *подушевой ВВП в Америке растет быстрее, чем в Китае*. Это служит примером так называемой лукавой цифры – отдельного параметра вне анализа глобального контекста.

---

²³ Мовчан А.А. О настоящем и будущем мировой экономики, режим доступа: URL: <https://openrussia.org/notes/714893/> (дата доступа 18.10.18).

²⁴ Особенности экономики Китая проявляются в том, что чем дальше от ока Пекина, тем выше экономический рост (методология латентности: движение «красных шапочек»; четыре периферийные реформы; суть успеха – в структуре китайской экономики: урбанизированной стране не повторить этот путь). Об экономике Китая, чтобы не попасть в ловушку линейного анализа: Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016; Лин Дж. Й. Демистификация китайской экономики. М.: Мысль, 2013. – 384 с; http://econlibrary.ru/books/272/422/Lin_Block-p1-41.pdf (дата доступа 27.08.2018); Хуан Я. Капитализм по-китайски: Государство и бизнес. М.: Альпина Паблишерз, 2010.

Более того, в плане социокультурной модернизации некорректно сравнивать Китай с Россией, ведь это аграрная страна, совершающая первую модернизацию (от традиционного общества к индустриальному) в XXI в., тогда как российская экономика проходила этот путь в начале XX в. Россию следует сегодня сравнивать со странами восточной Европы (Польшей, Прибалтикой, Чехией), а Китай с Индией (где Китай – авторитарное государство, а Индия – демократическое, но со схожей структурой экономики и сходной волной модернизации). Экономический рост Индии уже равен экономическому росту Китая. В режиме реального времени мы можем наблюдать и анализировать недостатки и преимущества, как авторитарной, так и демократической модернизации.

Весьма интересные рассуждения Мовчан развивает относительно состояния российской экономики²⁵. Это важное замечание к вопросу о роли психологии в современном мире: мы живем в XXI в., где уже есть неплохо изученные и научно обоснованные дорожные карты; проложены маршруты, каким образом той или иной стране достичь экономического благополучия и высоких стандартов повседневной жизни. Конкретно для России (исходя из ее нынешних параметров ресурсной экономики) это означает развилку: стать условной Норвегией, не сделаться условной Венесуэлой. Что же мешает эти дорожные карты осуществить – претворить научные (объективные) знания в политическую (субъективную) волю? А мешает пресловутый человеческий (культурно-психологический) фактор: амбиции и стратегическая безответственность принимающих управленческие решения элит, с одной стороны; экономическая неграмотность и инертность населения, с другой. Иными словами, *знать – не означает хотеть и мочь*. Объективное в данном случае уступает субъективному.

---

²⁵ Мовчан А.А. Россия на закате ресурсного цикла // МШУ «Сколково», 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y0AiQjg0bZc&frags=pl%2Cwn> (дата доступа 27.08.2018).

Успешность модернизации определяется культурой и психологией. Примером успешной модернизации служит Япония, превратившаяся в начале XX в. из феодальной страны в современное государство. Секрет этой модернизации – в ответственности элит; трезвом анализе положения вещей и готовности учиться – осмысленно соединять европейский опыт с местными обычаями²⁶. В свою очередь, система образования транслировала подрастающим поколениям новые («протестантские») ценности и образы достойного будущего²⁷. Другой пример успешной модернизации – Сингапур. Оставим за скобками политическую волю Ли Куан Ю. Образование в Сингапуре сегодня считается одним из лучших, однако до 1980-х гг. половина населения была неграмотна. Прежде чем модернизировать свою систему образования сингапурские элиты не посчитали зазорным детально изучить опыт более успешных стран. *В начале была психология* – открытость к модернизации, готовность учиться у других. Залог успешной модернизации – некоторое смирение: трезвое осознание, что дела идут не так хорошо, как хотелось бы. Напротив, реваншистские настроения (пресловутая национальная

---

²⁶ «Японцы не упускали ни малейшего шанса поучиться. В октябре 1871 года высокопоставленная японская делегация, в составе которой был Окубо Тошимичи, отправилась в Соединенные Штаты и Европу, посещая фабрики и кузницы, судовой верфи и оружейные мастерские, железные дороги и каналы. Гости вернулись домой в сентябре 1873 года, нагруженные знаниями и “горящие энтузиазмом” начать реформы» (с. 46) (*Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 38-54*).

²⁷ Патриотизм по-японски являл приоритет созидательного труда на общее благо; согласно школьному учебнику 1930 г.: «самый простой способ стать патриотом заключается в том, чтобы дисциплинировать себя в повседневной жизни, способствовать поддержанию порядка в семье и добросовестно выполнять свои производственные обязанности» (там же, с. 49).

гордость), склонность на весь мир обижаться и искать врагов, как правило, заканчивается историческим поражением.

Если мы знакомы с теорией самоорганизации (нобелевского лауреата И.Р. Пригожина), если применяем методологию системного анализа, то вынуждены признать, что перспективы развития страны за открытой системой жизни и диверсифицированной экономикой. В глобальном мире будущее наступает для всех, но не ко всем поворачивается своей светлой стороной – здесь более чем уместно вспомнить изречение, приписываемое Сенеке: желающего судьба ведет, нежелающего – тащит. Именно *открытая экономика отвечает на вызовы глобализации, информатизации, транзитивности* и т.п. Аналогичным образом в эволюции научного знания – будущее за трансдисциплинарной и транснациональной наукой (что не означает потери ни профессиональной, ни культуральной специфики – как этого иногда опасаются). Методологическая грамотность ведет нас к сложному мышлению посредством антиномий, где уникальное проявляется через универсальное; индивидуальное раскрывается через социальное; наука в отдельно взятой стране развивается через участие в мировой науке. Иными словами, *открытые системы имеют эволюционные преимущества перед закрытыми системами.* Будь то психология, политология, экономика.

Из этой методологической оптики следует, что так называемая суверенная экономика в наши дни есть регресс к натуральному хозяйству. Этот тренд феодализации на примере анализа российской экономики демонстрирует Мовчан, а в сфере социогуманитарных наук он обсуждается как неoarхаизация, варваризация, реставрация и т.п.²⁸ Что здесь значимо со стороны психологии?

---

²⁸ *Асмолов А.Г.* Идентификация варвара: сложность и многообразие отличают культуру развития от тупиков застоя // Независимая газета, 2016, http://asmolovpsy.ru/sites/default/files/www.ng_ru_scenario_2016-10-25_10_6843_varvar.pdf (дата доступа 27.08.2018); *Банников К.* Архаический синдром. О современности

Рентная экономика выступает маркером страны с определенной коллективной психологией²⁹. *Открытая экономика* предполагает участие в мировом распределении труда, где современный мир строится не только на принципе конкуренции, но и сотрудничества, кооперации (европейские технологии, китайский ширпотреб, японские автомобили, местная фермерская продукция и т.д. – все это перемешалось, создавая пространства для свободного потребительского выбора). Однако проблема в том, что благами открытой экономики пользуются и наслаждаются прежде всего демократические страны, страны так называемой первой лиги. Наша же страна сегодня в лучшем случае находится во второй лиге. Будучи психологами, мы понимаем, как это важно – признать реальность, обозначить проблему, а не принимать желаемое (амбиции и комплексы) за действительное³⁰.

Субъективно можно по-разному относиться к демократии (не стану повторять известный афоризм У. Черчилля), однако есть исторически и эмпирически достоверные наблюдения: демократии живут в парадигме

вневременного. Отечественные записки, 2013, № 1. <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o1-2013/19611-arhaicheskiy-sindrom-o-sovremennosti-vnevremennogo.html> (дата доступа 27.08.2018); *Время реакции. Траектории исторического движения: материалы XIII Малых Банных чтений*, 2017. <http://www.nlobooks.ru/node/8304> (дата доступа 27.08.2018); *Время – назад! Реинтерпретация прошлого и кризис воображения будущего: материалы XIII Больших Банных чтений*, 2017. <http://www.nlobooks.ru/node/8128> (дата доступа 27.08.2018); *Рябов А. Новый русский феодализм // История новой России*, 2010, <https://www.gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml> (дата доступа 27.08.2018).

²⁹ Зачастую фиксируемой понятием *ментальность* или *традиционные ценности*; к критике данных понятий попробую вернуться позднее, ибо такая критика – *thought-provoking*, заставляет задуматься (прим. М.С. Гусельцевой).

³⁰ В этом плане полезным отрезвляющим чтением является только что вышедшая книга: *Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века*. М.: Альпина Паблишерз, 2018.

сотрудничества, а не конфликта; демократии не воюют между собой, а договариваются³¹; демократии обеспечивают своим гражданам развитие и высокое качество жизни. Более того, в исторической перспективе демократии склонны не только к продуктивной коммуникации, но и к интеграции собственных государственно-географических пространств (по сути дела, к растворению границ: сегодня мы не замечаем, когда едем по дороге и из Германии попадаем во Францию). В этом смысле Евросоюз – вполне вероятная модель будущего планетарного устройства. Разумеется, демократии не лишены кризисов и проблем, они постоянно испытывают кризисы, но это кризисы роста, кризисы развития, поскольку демократические институты содержат инструменты их решения: способность договариваться, гражданская ответственность, широкое участие.

Доверие – основной ресурс открытой экономики. Однако на сегодняшний день лишь часть мира живет в *парадигме доверия*, культуре договоренностей, где задействованы правовая рациональность, уважение к личности, приоритеты ценности жизни – это *открытые экономики*. Мы наблюдаем здесь социальную ответственность крупных корпораций; технологии софта с открытым исходным кодом; в частности, позицию компании Tesla, открывшую доступ к своим патентам для конкурентов, полагая, что этот шаг способствует инновациям и служит общему благу; и т.п.³². Другая часть мира пребывает в *парадигме недоверия* (изоляционизма, суверенности), парадигме конфликта (представлении о праве сильного), подразумевающей отношение к человеку как

---

³¹ Напротив, «ресурсные государства современности воюют, потому что им достается много денег небольшими усилиями (за счет продажи ресурсов)» (Шульман Е.М. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018. С. 131).

³² *Бхаргава Р.* Не очевидно: Как выявлять тренды раньше других. М: Манн, Иванов и Фербер, 2016 (оригинальное название: Non-obvious: How to Think Different, Curate Ideas and Predict the Future.)

к средству, а не к цели. В социально-политическом плане эти парадигмы проявляются в разных практиках взаимодействия человека и государства: в одном случае – *государство для человека* (эта модель концептуализирована В. Гумбольдтом³³); во втором – *человек для государства*.

В отечественной психологии проблематика взаимоотношений человека и государства наиболее ярко представлена в статье А.В. Брушлинского «Психология и тоталитаризм»³⁴. Сегодня психология не особенно озабочена этими вопросами – анализом гуманизма и тоталитаризма как взаимосвязи культуры и личности человека, хотя для социального развития они более чем актуальны (и, полагаю, вытеснены). В типологии этих культур на одном полюсе – субъектность и гражданская ответственность, самоценность развития личности, на другом – корпоративная идентичность (личность ценна не сама по себе, а через принадлежность к этносу, нации, государству, социальной группе и т.п.). Мы можем концептуализировать реальность посредством разных моделей, например, представлений о *культуре полезности* и *культуре достоинства*³⁵. Но психологии так или иначе придется иметь дело с вопросами неравенства, разных картин мира, когнитивных искажений – проблематикой, которая рождается на стыке новой мобильности и субъективного расширения пространства до планетарного масштаба (антиномией региональной и планетарной идентичности; расхождением представлений и жизненных практик). Стихийное и латентное формирование *планетарной идентичности* становится заметным в отдельных примерах. Когда в начале сентября в Национальном музее Бразилии случился пожар, где погибли коллекции

---

³³ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М.: Социум, Три квадрата, 2003.

³⁴ Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. С. 24-32.

³⁵ Асмолов А.Г. От культуры полезности к культуре достоинства // Человек без границ. 2013.

URL: http://asmolovpsy.ru/sites/default/files/ot_kultury_poleznosti_k_kulture_dostoinstva.pdf (дата доступа 27.08.2018).

палеонтологии, археологии, естественной истории, артефакты из Древнего Египта, Греции, Рима – это общая утрата человечества. Переживая эту новость как боль, мы (латентно – не всегда осознанно) являемся единым человечеством.

Наблюдение латентных процессов возвращает нас к вопросу о происходящих изменениях и стратегиях их исследования. Аналитический инструментарий (эпистемологическая оснастка) сегодня включает компьютерную, цифровую, информационную и т.п. грамотность, где *экономическая грамотность* – одна из составляющих мышления о мире в целом, во взаимодействии глобальных и локальных процессов. *Трансдисциплинарность* проявляется как привычка наблюдать за смежными науками и осмысливать развитие наук совокупно, где открытия в одной сфере влияют на другие познавательные области. В истории психологии мы помним, как успехи механики, химии, биологии, новые философские идеи (марксизм, структурализм, экзистенциализм, постмодернизм) стимулировали движения и направления психологии. В наши дни *нет ни изолированных наук, ни изолированной экономики*: нравится это кому-то или нет, но глобализация, информатизация, транзитивность, открытость (транспарентность), взаимное проникновение – данность перемен. Не только для изучения, но и для продуктивного освоения этих процессов (овладения) важны *психологические ресурсы* – персонализация, субъектность, участие, принципиальность (социальная и гражданская ответственность), а также толерантность, доверие и солидарность. Дело в том – и одним из первых эта проблема была обозначена Э. Блохом в концепции «неоднородности современности»: мы живем в разных современностях, где в одном социальном пространстве сосуществуют современность-современности и современность-средневековья. Экономический географ и регионовед Н.В. Зубаревич описывает эту реальность посредством многомерной модели разных России: постиндустриальной (мегаполисы); индустриальной (города); традиционной (малые поселения) и... особые регионы

со своими особыми традициями. Иными словами, антиномия региональной и планетарной идентичности есть то, за чем следовало бы наблюдать именно в плане латентных изменений...

Более того, мы можем обсуждать заявленные тенденции на языке экономики, политологии, социальных наук или психологии (в данном случае – произвольно выбранными мной экспертами выступают А.А. Мовчан, Е.М. Шульман³⁶, С. Пинкер³⁷ и А.Г. Асмолов: все они склонны выходить за пределы своих специализаций), но вне зависимости от дисциплинарной оптики на долгой дистанции вырисовывается модель, где будь то страны с ресурсной экономикой, гибридные режимы или авторитарные социальные типы, предметом анализа становится *взаимопревращение культуры и личности*. Если на полюсе культуры мы наблюдаем изоляционизм, закрытость системы, централизацию, исключительность (пресловутый «особый путь»), мобилизацию, элиминирование индивидуальности, то на уровне личности – недоверие, деление на «мы» и «они», сконструированный в воображении образ врага, конспирологическое мышление, отсутствие субъектности. В этой модели человек становится средством для реализации иной цели: национальной ли идеи; расширения территорий; милитаристских понтов, демонстрации мощи государства и т.п. Парадоксальным образом, *парадигма суверенности ведет к отказу от субъектности*: доминированию в картине мира внешних обстоятельств над внутренним локусом контроля. Тогда как лишь в коммуникации с другими (с Другим, с иным) формируется субъектность; национальная идентичность возникает на границе национального и

---

³⁶ Шульман Е.М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. Ridero.ru, 2015. URL: <https://www.litres.ru/ekaterina-shulman-64/prakticheskaya-politologiya-posobie-po-kontaktu-s-rea/> (дата доступа 27.08.2018).

³⁷ Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

транснационального; гражданская идентичность формируется в трениях гражданина и государства; личность – в сопротивлении индивидуального социальному. Е.Д. Шехтер предложила удачную формулу: *развитие идет через различия*. В цивилизационном процессе, когда исторические типы закрытых систем уходят, экономика перестает быть ресурсной, а авторитарные режимы через гибридность приобретают родовые черты демократии, то мы со стороны психологии наблюдаем не только трансмиссию ценностей – *от выживания к развитию, от безопасности к самовыражению*³⁸, но и корреляцию с моделью морально-нравственного развития Л. Кольберга, где гражданское участие сопровождается представленностью в обществе личностей постконвенционального уровня развития; так называемая *банальность добра* становится повседневностью развитого демократического общества³⁹. Иными словами, доброжелательные и склонные к взаимопомощи прохожие на улице, заказанная по интернету передовая компьютерная техника, спокойно оставленная на пороге возле дома, социально ответственные соседи, которые позвонят в полицию, если вы шлепаете ребенка... – это культурно-психологическая реальность стран с открытой экономикой.

Таким образом, *демократизация* – это еще один глобальный (т.е. устойчивый в исторической перспективе) тренд⁴⁰. Некоторые тренды связаны

---

³⁸ По данным World Values Survey (WVS) – Всемирного исследования ценностей, <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата доступа 27.08.2018).

³⁹ *Гусельцева М.С.* Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования, 2017, 10(54), 5, <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1452-guseltseva54.html#e3> (дата доступа 27.08.2018).

⁴⁰ *Treisman D.* Is Democracy in Danger? A Quick Look at the Data // Democratic Backsliding and Electoral Authoritarianism, Yale University conference, May 4-5. University of California, Los Angeles Department of Political Science, 2018,

между собой, образуя характерную сеть, совокупность. Так, происходящая в мировом масштабе *гуманизация* (включая, глобальное снижение уровня насилия, о чем пишет уже упомянутый С. Пинкер⁴¹) идет рука об руку с *демократизацией*. Последняя проявляется также в качестве запроса на личное и гражданское участие в социально-политической жизни, т.е. в росте *субъектности*. Помимо этого, демократизация и персонализация являются косвенными следствиями общего тренда *информатизации*.

Д.Е. Фурман (историк религии, социолог, политолог и философ – эксперт с мышлением поверх дисциплинарных барьеров), изучая социокультурную динамику на постсоветском пространстве, выявил демократизацию в качестве глобального тренда⁴². Таким образом, в исторической перспективе происходит вполне *объективно наблюдающийся рост демократий на карте мира*: на протяжении XX в. все больше стран выбирали демократический путь развития, т.е. пресловутое разделение властей; регулярную и непреложную сменяемость власти на выборах; широкое представительство и участие в политической жизни. Наряду с этим, *возрастает субъективный запрос на гражданское участие*, сопровождающийся ростом субъектности, коммуникативной компетентности, распространением доверия и солидарности. Несмотря на кажущуюся полярность, *индивидуализация и социализация – две стороны процесса персонализации*: чем более личность становится субъектом и индивидуальностью, тем скорее она расположена к гражданскому участию и солидарности. Одновременно здесь встречаются составляющие процесса

<https://static1.squarespace.com/static/5a4d2512a803bb1a5d9aca35/t/5b19d7450e2e727770fa15f5/1528420167336/draft+june+7.pdf> (дата доступа 27.08.2018).

⁴¹ *Pinker S. The Better Angels of Our Nature: The Decline of Violence in History and Its Causes. Allen Lane, 2011.*

⁴² *Фурман Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.*

демократизации – гражданская и психологическая зрелость личности. В эволюционной перспективе, чтобы стать способной к солидарности, личность должна научиться быть автономной (И. Кант обозначил этот начавшийся в Новое время процесс в исторической оптике как зрелость человечества, а в психологической – *мужество быть собой*).

4. Есть ли сегодня в обсуждениях будущего психологии какие-то недооцененные направления или «слепые пятна», на которые Вы хотели бы обратить внимание?

Я бы переформулировала этот вопрос как *проблемное поле методологии латентных изменений*. Проблемы неосознаваемого, бессознательного в качестве психологических были поставлены в психоанализе (равным образом *психология повседневности* имеет один из истоков в психопатологии обыденной жизни). Несмотря на критику и естественное устаревание классических форм, психоанализ методологически жив в современности. Обращаю внимание на это потому, что методология психоанализа («по ту сторону»), аналитическая психология (аналитика как расшифровка), уликовая парадигма К. Гинзбурга⁴³, концепция неодновременности современности Э. Блоха – источники методологии латентности, методологии латентных изменений.

Кредо методологии латентности можно сформулировать так: неочевидное зачастую является более значимым (и действенным), нежели то, что находится в центре внимания. Методология латентности трансдисциплинарна. В социологии речь идет о спирали молчания и силе слабых связей. В коммуникации – информативно не то, о чем говорится, а то, о чем умалчивается. В истории и культуре – важны так называемые малые традиции.

---

⁴³ *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.

Не следует забывать, что маргинальные тренды в исторической перспективе становятся магистральными, а магистральные рассеиваются и уходят в тень. Таким образом, «слепыми пятнами» психологии как науки являются латентные, неочевидные, маргинальные процессы, с одной стороны. А с другой – *методологические предпосылки собственных концепций* и в широком смысле этого слова *когнитивные искажения, заблуждения* («идолы» человеческого разума).

В сегодняшнем методологическом обновлении психологии важную роль играют *идеи самоорганизации*. Однако, как справедливо отмечает Д.А. Леонтьев в недавно опубликованной статье⁴⁴: даже несмотря на цитирование трудов И.Р. Пригожина, принципы самоорганизации не сделались рабочим мировоззрением психологов.

Саморефлексия науки – важная составляющая обновления идей и развития. Наша (современная российская) психология – все еще неклассическая психология: в том смысле, что она еще не преодолела свой золотой век, 1930-е, 1960-е гг. Российская психология живет в конструктивистской парадигме (при всей условности понятия «парадигма»: пользуясь им для удобства, не следует забывать, что термин, во-первых, заимствован из изучения эволюции естествознания; во-вторых, чистых парадигм в наше время практически не остается: они и смешиваются, и растворяются...).

Итак, возвращаясь к конструктивизму как мироощущению и культурной практике. Это особенность советской психологии, но это и особенность неклассического идеала рациональности (расцвет которого пришелся на 1930-1960-е гг.); эти две тенденции поддерживают друг друга: специфически советский конструктивистский пафос усиливается конструктивизмом общенаучного идеала неклассической рациональности. Конструктивизм

---

⁴⁴ Леонтьев Д.А. Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 5-14.

создает, например, представление о миссии психологии и психолога – конструировать миры; формировать/внедрять те или иные образы человека; быть «архитектором» или «мастером неодинаковости»⁴⁵; через образование стимулировать развитие общества (за перечислением легко угадываются работы нашего выдающегося и политически активного современника А.Г. Асмолова).

Конструктивизм – идеология прогрессорства (используя термин братьев Стругацких); со своей позитивной стороны он стимулирует личную инициативу, гражданскую активность (нашему обществу это более чем значимо: и инициативность, и социальная активность, и солидарность). Однако у конструктивизма есть оборотная сторона – недоверие к субъектности, к саморазвитию и самоорганизации. Неким уравновешивающим дополнением конструктивизма служит предложенный мной с опорой на гуманистические идеи А. Швейцера *принцип благоговения перед развитием*: тактичность и чувствительность к тем ситуациям, где мир ли в целом, другого ли человека, или развитие ребенка следовало бы отпустить – *пустить на самотек*, оставить в свободе. «Воспитание свободой», «свобода учиться»⁴⁶ – предпосылками этих психолого-педагогических доктрин выступают не только идеи гуманизма, но и (латентный) эпистемологический принцип самоорганизации. Базовое доверие к человеку: вера в то, что предоставленный самому себе субъект/ребенок, ежели он здоров, будет склонен и к активности (познавательной, социальной,

---

⁴⁵ Асмолов А.Г. Личность на троне культуры // Психологическая газета. 2013. «Сегодня психолог – мастер по неодинаковости. Эта характеристика психолога как человека, помогающего личности отстоять свою неодинаковость и поддерживающего индивидуальные траектории развития человека, – главный акцент психологической службы. Без этого ничего не получится» (Психологи должны быть активными участниками образовательного процесса // «УГ Москва», № 40 от 4 октября 2011 г.).

⁴⁶ Нилл А. Воспитание свободой. М.: Педагогика-Пресс, 2000; Роджерс К., Фрейберг Д. Свобода учиться. М: Смысл, 2002.

гражданской), и к саморазвитию. Нередко для того, чтобы возникло творчество, не нужно ни «стимулировать мотивацию», ни создавать «насыщенную среду», а достаточно попросту *не мешать...*⁴⁷ Еще более это верно в плане социально-политического развития: будь то самоорганизации малого бизнеса; или самозарождение гражданского общества (где позитивная задача государства – не лезть с контролирующими функциями, оставить в покое...).

В этой связи хочу обратиться к забавному эпизоду в дискуссии Е.М. Шульман и Е.А. Памфиловой. Обсуждая феномен коррупции в гибридных режимах, первая признается, что ее частенько приглашают на совещания, где обсуждаются вопросы: как улучшить тот или иной бюрократический аппарат? И вот Шульман делится с Памфиловой потоком сознания включенного наблюдателя: «Как улучшить какую-то контролируемую структуру? Закрыть! Есть люди, без которых мир станет лучше. Это ваше министерство. Уйдите! И чтобы вас не было вообще. Ну как такое скажешь?!» Памфилова в ответ широко улыбается: «Мне это понравилось, я предлагаю так и говорить!»⁴⁸. Мне тоже это понравилось, и я стараюсь проводить такие идеи, но не прямолинейно в лоб («ну как такое скажешь?!»), а – в данном случае – на языке теории самоорганизации.

Доверие к человеку, к его творческой самодетельности и активности – неявная предпосылка концепции базового безусловного гражданского дохода;

---

⁴⁷ *Петрановская Л.В.* Почему ребенка не нужно направлять в творчестве. 2015, URL: https://www.youtube.com/watch?v=wi_oLioH-gQ&frags=pl%2Cwn (дата доступа 27.08.2018). «Ребенок любой творческий. Это нормально». Тут вопрос скорее, как не задавить, чем как стимулировать.

⁴⁸ Дебаты Елены Панфиловой и Екатерины Шульман: Коррупция в гибридных режимах // Дискуссионный клуб Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики ВШЭ, 2017, URL: https://www.youtube.com/watch?v=ldPyrGuqd_I&frags=pl%2Cwn (дата доступа 27.08.2018).

тех идей, к которым приближается так называемый первый мир⁴⁹. Здоровый человек расположен к труду, к профессиональной и творческой самореализации; безусловный основной доход (БОД) не только не снижает эти мотивации, но позволяет человеку более вдумчиво отнестись к поиску собственного призвания, к профессиональному становлению.

Российский социум в целом, и мы, как отдельные индивидуумы (как родители и воспитатели) недооцениваем самоконструирующую роль свободы. С одной стороны, по нам как гражданской нации прошелся каток государства российского, исторически подавляющий инициативу, предприимчивость, активность субъекта, автономию личности и самоорганизацию общества⁵⁰; с другой стороны, есть инерция собственных социальных привычек и практик. Что называют менталитетом, хотя представители смежных наук, например, та же Шульман рассматривает понятия «менталитет» или «традиционные ценности» как псевдонаучные. Не то что бы я была с этим категорически согласна, однако важно зафиксировать это как проблему, требующую осмысления.

Один из основателей французской психологической школы Т. Рибо привнес в арсенал исследовательских стратегий «эксперименты, поставленные самой природой» (предмет изучения патопсихологии). В свою очередь, есть *эксперименты, поставленные самой историей*: Восточная и Западная Германии; Северная и Южная Кореи. Эти эксперименты показывают, как из одного этноса, из одной нации получаются страны с принципиально разным менталитетом. Что же является здесь основным диверсификатором (триггером

---

⁴⁹ Шульман Е.М. Базовый гражданский доход: политические последствия // Выступление на форуме в Сколково. 2017, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KHoPdYiiDdE> (дата доступа 27.08.2018); Van Parijs, Ph., Vanderborght, Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Cambridge (MA); L.: Harvard University Press, 2017.

⁵⁰ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.

культурально-психологических различий)? Открытая или закрытая политическая система: рыночная (открытая) или закрытая экономика; гражданское участие, защита/отсутствие прав личности перед машиной государства...

Если человек владеет системным анализом и знаком с идеями синергетики, ему легко объяснить, почему демократии устойчивее, нежели авторитаризм: ведь демократия – гибкий режим, с широким (создающим и безопасность, и устойчивость) представительством разных групп интересов и участием субъектов в самоорганизации жизни общества. (Примером страны с высокой степенью самоорганизации и гражданской ответственности служит Швейцария, где ни один значимый вопрос не обходится без референдума. На пути в деревушку Grindelwald экскурсоводы любят демонстрировать открывающийся вид на гору: местные жители договорились и выкупили поле в частную собственность, чтобы оно не было застроено, а их дети и правнуки могли любоваться великолепным пейзажем.) Правовая защита частной собственности как основа достоинства личности – фундаментальная вещь, которая также находится на стыке психологии и социогуманитарных наук, но ускользает от собственно культурно-психологического анализа.

5. Как Вы думаете, какие фундаментальные научные проблемы могут быть решены в психологии за ближайшие 20 лет?

У меня нет ответа на этот вопрос. Что понимать под фундаментальными научными проблемами? Обращусь к проблемам методологическим: *разрыв теоретической и практической психологии*. Эта проблема решается, но не на глобальном, а на субъектном уровне. Иными словами, встречаются ситуации и вполне конкретные психологи, которым удается гармонично совмещать теоретический дискурс с решением прикладных задач. Пример, который на переднем плане моего сознания – Л.В. Петрановская: практический семейный

психолог; автор книг о привязанности и проблемах усыновления⁵¹; (латентно) гуманистический психолог, что проявляется в умении коммуницировать с разными людьми в спокойных, доброжелательных интонациях; исследователь со сформулированной не только теоретической, но и гражданской позицией. Иными словами, в ходе своей индивидуальной биографии ученые ищут баланс личного и профессионального; прикладного и теоретического знания. При этом, несмотря на движение к трансдисциплинарности, всегда останутся проблемы, где важно оставаться узким специалистом.

Проблема раздробленности и фрагментарности психологического знания (одна из трех ведущих методологических проблем психологии, диагностированных еще на исходе XX в. А.В. Юревичем⁵²), полагаю, также найдет решение как на субъектном уровне – в стихийной интеграции общенаучного и конкретно-научного знания отдельным профессионалом, так и на глобальном уровне – как переход к иной модели высшего образования. В последние годы появилось достаточно работ, осмысливающих трансформацию университетов в изменившемся мире⁵³. В перспективе ближайших десятков лет фундаментально изменится модель образования.

Актуальной проблемой, которая будет решаться и решается уже на наших глазах, является *выработка критического мышления* (данные вопросы обсуждаются также в терминах Fake News и постправды). В связи с доступностью и оглушающими потоками информации как никогда актуальна

---

⁵¹ *Петрановская Л.В.* Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка. М.: АСТ, 2016.

⁵² *Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-11.

⁵³ *Барнетт Р.* Осмысление университета // Образование в современной культуре. Альманах 1. Серия «Университет в перспективе развития». Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: Пропилеи, 2001. 128 с.; *Коллини С.* Зачем нужны университеты? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.; *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

разработка средств защиты сознания от манипуляции и пропаганды. Начиная с 1960-х гг., инструменты сопротивления воздействию идеологии обсуждались в контексте французского постструктурализма; существенный вклад внесли работы М. Фуко, еще недостаточно освоенные психологией.

Иными словами, будут решаться проблемы на стыке практической психологии и новой модели образования – в диапазоне: как помочь каждому жителю планеты достичь базового уровня цифровой, информационной, экономической грамотности; коммуникативной компетентности; как помочь найти психологические ресурсы для жизни в изменяющемся, непредсказуемом мире; в ситуации роста, как информации, так и информационного шума.

Однако, полагаясь на методологию самоорганизации, я бы не волновалась за человечество в опережении решения не наступивших проблем. Так, в начале XX в. (хотя это обещали прогнозы) столицы не столкнулись с проблемой избытка навоза (лошадей заменили автомобили); точно также приватность повседневной жизни человека на наших глазах находит средства защиты посредством изменения норм телефонного этикета⁵⁴ и т.п.

---

⁵⁴ *Губницкий Е.* Конец телефонной культуры: почему люди перестали отвечать на звонки // ЧТД: онлайн-издание про образование и развитие взрослых, 2018, URL: <https://4td.fm/article/konets-telefonnoy-kultury-pochemu-lyudi-perestali-otvechat-na-zvonki/> (дата доступа 27.08.2018); Ты не обязан отвечать на телефонные звонки: современный этикет вызывает недоумение у многих // Мир путешествий, 2018, URL: https://mirputeshestvij.mediasole.ru/ty_ne_obyazan_otvechat_na_telefonnye_zvonki_sovremennyy_etiket_vyzyvaet_nedoumenie_u_mnogih (дата доступа 27.08.2018); *Шлянцев Д.* Испорченный телефон. Почему больше никто не берет трубку? // Republic – онлайн-журнал о политике, экономике и бизнесе, URL: <https://republic.ru/posts/91101> (дата доступа 27.08.2018); *Madrigal A.C.* Why No One Answers Their Phone Anymore: Telephone culture is disappearing // The Atlantic. May 31, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/05/ring-ring-ring-ring-ring/561545/> (дата доступа 27.08.2018).

THE INTERVIEW WITH M.S. GUSELTSEVA ABOUT THE FUTURE OF PSYCHOLOGY**

The interview with the doctor of psychological sciences Marina Sergeyevna Guseltseva⁵⁵ continues a series of publications in which views of authoritative scientists-contemporaries on current problems and the directions of researches of psychological science, in general, and social psychology presented. Timofey Aleksandrovich Nestik⁵⁶ asked the questions and Marina Sergeyevna Guseltseva's answers published in the reduced version.

** The study was fulfilled by RFBR, № 17-06-00675.

⁵⁵ Sc.D. (psychology), assistant professor, leading fellow researcher, laboratory of adolescent's psychology, FSFSE Psychological Institute, Russian Academy of Education; 9-4, Mokhovaya str., Moscow, 125009.

⁵⁶ Sc.D. (psychology), professor of RAS, head of the laboratory of the social and economic psychology, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: nestik@gmail.com.